

В Городе между Облаками пролились реки крови. День Резни наконец завершился.

Трупы свозили к плавильным печам. При сжигании тел в небо поднимались тяжелые клубы черного дыма, и весь город заволокло удушливым, противоестественным смрадом.

Деву-змею увели. Лишать её жизни не стали. Она была настолько слабой и беспомощной, что любому из Армии Таинственных Символов хватило бы одного движения пальца, чтобы раздавить её, словно букашку. И всё же её пощадили.

Её привели во дворец городского владыки. Дева-змея и в самых смелых мечтах не могла представить, что однажды переступит порог столь величественного чертога. Вот только прежнего хозяина здесь больше не было: его мертвое тело выставили у главных ворот — наводящий ужас урок для каждого выжившего.

На её шее звенела Цепь для пленения демонов, а пол залы расчерчивали линии подавляющей формации — загнанная в этот круг, она не могла сделать ровным счётом ничего.

Перед ней стоял мужчина. Облачённый в роскошные золотые одежды, он держался в тени, и дева-змея никак не могла разглядеть его лица.

Едва завидев его, дева-змея спросила:

— Вы не видели мою сестру?

Мужчина, верно, посчитал её нелепо наивной и негромко рассмеялся. Прежде Хо Цин тоже любила улыбаться сестре, но теперь эта чужая, вкрадчивая улыбка лишь наводила на деву-змею ужас.

Ей хотелось забиться в угол, да некуда было бежать. Стоящий перед ней мужчина походил на змею куда больше, чем она сама: казалось, даже кровь в его жилах струилась ледяная.

Дева-змея упрямо повторила:

— Моя сестра — целительница. Она очень красивая и любит синие платья. Вы не встречали её?

Она без устали описывала облик Хо Цин каждому встречному, даже не подозревая, что её сестры к тому моменту давно уже не было в живых.

Мужчина посмотрел на неё сверху вниз и произнёс:

— Ты мне нужна.

Дева-змея, не видя выражения его лица, инстинктивно попятилась.

— Зачем? Что я должна сделать?

— Проникнуть в сновидения, — ответил мужчина.

— В чьи? — глупо переспросила она.

— Жителей Города между Облаками.

После Дня Резни в Городе между Облаками уцелела едва ли четверть населения. Немногие счастливчики смогли выжить в этой бойне.

Бойня завершилась, и захватчикам следовало навести порядок в покорённых землях. Однако смертные кипели от ярости и ненависти к демонам. Их близкие только что погибли, и покоряться новой власти они не собирались.

— Жителей города?..

— Всех до единого, — подтвердил мужчина.

Дева-змея умела проникать в чужие сны и менять чужие воспоминания. И демоны хотели, чтобы жители Города между Облаками навсегда забыли о пережитом кошмаре.

— Их слишком много, — затрясла головой дева-змея. — Я не справлюсь.

Прежде она могла заходить в сны от силы троих человек одновременно. Хо Цин строго-настрого запрещала ей растрачивать силы попусту.

Если слишком долго блуждать по чужим видениям, можно легко стереть границу между явью и вымыслом, навсегда затерявшись в лабиринтах чужого разума.

К тому же, исцеляя чужие недуги через сны, дева-змея забирала себе чужую обиду, злость и кармические долги. Вся скверна, копившаяся на дне чужих душ, ложилась тяжким бременем на её собственные плечи.

Хо Цин никогда не позволяла ей так изводить себя.

— Твоя сестра была бы счастлива, — вкрадчиво шепнул мужчина.

— Счастлива? — эхом отозвалась она.

— Именно так. — Он ласково, точно ребёнка, погладил дева-змею по голове, увлекая за собой тихим, гипнотическим голосом: — Неужели тебе не жаль их? Разве ты хочешь, чтобы они продолжали мучиться?

Злоба и отчаяние висели в воздухе удушливым саваном. Погибшие страдали в посмертии, но и выжившим приходилось несладко. Раньше дева-змея исцеляла лишь редких больных с израненным сердцем, но теперь безумие скорби охватило абсолютно каждого.

Каждого. Весь Город между Облаками погрузился в пучину невыносимой боли. Матери оплакивали погибших младенцев, сыновья — родителей, мужа — возлюбленных.

Вся скорбь этого мира сплелась воедино, соткав огромную, непреодолимую клетку.

Самой деве-змее было плевать на чужие страдания, но Хо Цин... у сестры было такое доброе сердце. Она бы точно не смогла спокойно смотреть на этот кошмар.

— Я помогу тебе разыскать сестру, — пообещал мужчина. — В этом городе от меня никто не скроется.

Мутный взгляд девы-змеи прояснился, в нём вспыхнула робкая надежда:

— Правда?

— Правда. — Раздался негромкий щелчок, и Цепь для пленения демонов со звоном рухнула на пол. Безликий, лишённый всяких эмоций голос мужчины прозвучал над её ухом: — Как только закончишь дело, я приведу её к тебе.

Сдерживающий круг под её ногами растаял. Почувствовав свободу, дева-змея растерялась. Она никогда не отличалась умом, а сейчас её мысли и вовсе спутались. Она тщетно пыталась осознать происходящее, но логика ускользала от неё.

Но одно она знала наверняка: если согласится, то снова увидит Хо Цин.

Обхватив колени руками, она зажмурилась и скользнула в чужие сны.

Су Цзюгуй чувствовал, что стремительно падает. словно затянутый в неистовый водоворот, он летел напрямиком в бездну.

Раздался глухой удар — его тело рухнуло на что-то твёрдое. Должно быть, это была земля, хотя в здешнем безумии ни в чём нельзя было выказать уверенности. В иллюзорном мире правила

реальности не действовали.

Веки казались налитыми свинцом. Очевидно, он провалился на самый глубокий уровень сновидений, откуда выбраться на поверхность будет невероятно тяжело.

Вдруг шею обожгло уколом — тонкая игла вонзилась в кожу у затылка и мягко провернулась. Прохладные ладони коснулись его плеч, уверенно надавливая на нужные точки.

Незнакомка действовала неторопливо и сосредоточенно. В нос Су Цзюгую ударил едва уловимый травяной аромат целебных снадобий.

— Очнулся? — на сей раз слышался женский голос.

В этом лабиринте снов его будили трижды. Сначала отец, Су Чжицин, затем трактирный служка, а теперь — незнакомка.

Су Цзюгуй разомкнул веки. Он уже давно перестал чему-либо удивляться: каждое возвращение к сознанию в этом царстве грез казалось началом новой, суматошной жизни.

Он лежал посреди глухого переулка. Рядом на коленях сидела женщина, сосредоточенно ставившая ему иглы.

Первое, что бросилось ему в глаза — её запястье. Левая рука незнакомки была туго обмотана бинтами, сквозь которые проступала алая кровь.

Чёрное одеяние лишь сильнее подчёркивало болезненную бледность её кожи.

"Саван, — промелькнула мрачная мысль. — На ней одежда для усопших"

— Хо Цин? — позвал Су Цзюгуй.

Целительница опустила взгляд, не спеша вытащила иглы и принялась складывать инструменты в кожаный чехол.

— Разум ещё не помутился? — негромко спросила она.

В её тихом голосе сквозило удивительное умиротворение. Эта мягкая, профессиональная уверенность лекаря мгновенно прогоняла тревогу и дарила больному покой.

Перед ним действительно была Хо Цин. Сон внутри сна... На самом дне этого многослойного наваждения таилась неприкаянная душа мёртвой целительницы.

— Твоя сестра ищет тебя, — произнёс Су Цзюгуй. Он помнил своё обещание помочь деве-змее отыскать её близкого человека.

— Знаю, — Хо Цин убрала лекарскую сумку и присела рядом с ним прямо на землю. — Она ищет меня уже без малого тысячу лет.

Тысячу лет?.. Но как это возможно, если Хо Цин сама заперта в чертогах её разума?

Су Цзюгуй попытался приподняться и с удивлением обнаружил, что его ладони стали полупрозрачными. Тело постепенно растворялось в воздухе — его и без того слабая, истощённая душа едва держалась на грани небытия.

— Скоро рассвет, — Хо Цин устремила взгляд куда-то вдаль. — Если ты не проснёшься до первых лучей солнца, то останешься здесь навечно.

Су Цзюгуй был изранен: старые раны, нанесённые Армией Таинственных Символов, смешались с увечьями от падения в ущелье. Его дух был на пределе сил.

— Прости, я не могу облегчить твои страдания, — негромко промолвила целительница.

Она не была хозяйкой этого мира сновидений и не могла исцелить гостя — точно так же, как не могла спасти других несчастных, затянутых сюда девой-змеей. То, что она сумела вернуть Су Цзюгуя крупницы рассудка, уже шло наперекор воле её безумной сестры.

— Это место кажется тебе знакомым? — спросила Хо Цин.

Узкий переулок действительно выглядел на удивление знакомо. Именно здесь он впервые повстречал деву-змею. Это была их дорога домой.

Силуэт Су Цзюгуя продолжал таять, в то время как стены домов вокруг начали стремительно смазываться, уносясь прочь. Спокойный, размеренный голос целительницы звучал прямо над его ухом:

— На самом деле я умерла очень давно.

Она приняла смерть прямо здесь, в пыли этого унылого тупика.

В злосчастный День Резни она спозаранку отправилась в ломбард, чтобы выкупить семейную реликвию — старинную нефритовую подвеску. Этот залог был бесконечно дорог ей, ведь он остался единственным напоминанием о покойном учителе. Хо Цин хотела забрать её, чтобы подарить сестре.

В тот день она слишком спешила обратно и не заметила следовавшего по пятам грабителя. Заприметив одинокую девушку, выходящую из ломбарда, подонок без колебаний решился на убийство.

Но даже если бы она обернулась — что могла сделать простая смертная против жестокого грабителя? Человеческая жизнь хрупка, а перед грубой мужской силой слабая женщина была совершенно беззащитна.

У неё не оставалось ни единого шанса на спасение. Даже умиротворенно принимая смерть от безжалостного удара, она судорожно сжимала в кулаке заветную подвеску.

Истекая кровью на грязной мостовой, она угасающим взглядом смотрела туда, где за углом ждал уютный дом. До него оставалось подать рукой — всего один переулок, два поворота, и она оказалась бы в безопасности, во внутреннем дворе.

Она так хотела вложить этот гладкий холодный нефрит в ладони сестры. Демоны ведь обожают красивые безделушки. Хо Цин живо представляла, как засияют глаза девы-змеи, как та расплывётся в своей глупой, искренней улыбке, не знающей забот. Радость этого дитя всегда была такой чистой.

Хо Цин ушла из жизни с открытыми глазами. Она так крепко вцепилась в украшение, что убийца, как ни старался, не сумел разжать её побелевшие пальцы. С этой ношей она и отошла в мир иной.

Затем на улице показался передовой отряд Армии Таинственных Символов. Испугавшись расправы, мародёр бросил истерзанное тело целительницы и поспешил скрыться.

В безумии Дня Резни соседи и знакомые в панике покидали охваченный огнём город. До мёртвой девушки никому не было дела. Забытая всеми, она навсегда осталась лежать в глухом, безлюдном переулке.

— Я погибла, — продолжала Хо Цин, — но сестра не знала об этом. Она свято верила, что я всё ещё жива.

— Демоны воспользовались её даром, чтобы заставить выживших горожан забыть о пережитом ужасе. Взамен они обещали отыскать меня. И сестра послушно выполнила их волю.

Су Цзюгуй ошеломлённо замер. Теперь понятно, почему никто в Городе между Облаками никогда не заикался о Дне Резни. Даже вечно недовольный Вэнь Ци, хоть и ворчал на притеснения Армии Таинственных Символов, безропотно подчинялся указам демонов.

Всё потому, что память людей о той бойне была стёрта без остатка.

— Она приложила все силы, чтобы избавить горожан от этих страшных воспоминаний. Сестра соткала для них прекрасную иллюзию, в которой их близкие не были жестоко убиты, а просто отправились в дальнее странствие. В этих снах город процветал, а люди жили в мире и достатке.

Голос целительницы звучал ровно, и лишь при упоминании сестры на её губах появилась едва заметная, ласковая улыбка:

— Она превосходно справилась. Моя девочка всегда была умницей.

Дева-змея была соткана из первозданной простоты. Её любовь и ненависть не знали полутонов. Если она бралась за что-то, то отдавала себя без остатка — наивно полагая, что Хо Цин порадует её успехам.

— За такие труды её должны были наградить, — тихо вздохнула Хо Цин.

Да, её должны были похвалить. Когда она выступала в бродячем театре, хозяин за прилежную работу давал ей лишнюю пиалу свежей крови. В их скромной лечебнице Хо Цин за успехи баловала её сладостями и нежно гладила по голове.

Но у бездушных демонов не было места милосердию. Вместо обещанной награды её ждала лишь жестокая кара.

Поначалу захватчики честно пытались выполнить уговор, но нашли лишь окоченевший труп. Они долго недоумевали: зачем столь могущественному существу сдалась жизнь ничтожной смертной целительницы?

— Они принесли моё безжизненное тело сестре, предварительно нарядив его в богатый похоронный саван. Но она отказалась верить своим глазам. Она продолжала упрямо твердить, что я жива, и требовала продолжить поиски.

Хо Цин горько усмехнулась:

— Демоны решили, что дева-змея лишилась рассудка. Поначалу они терпели её истерики, но вскоре растеряли всякое терпение, посчитав её мольбы глупым капризом.

— Какими же трусливыми они оказались! Они желали использовать её силу, но в то же время до смерти боялись её непредсказуемости. Поняв, что дева-змея больше не принесёт им пользы, они безжалостно казнили её на берегу Реки Небесной Воды.

— Её нарекли ядовитым отродьем. Казнь на Реке Небесной Воды была обставлена по всем правилам тёмных ритуалов демонов — они сделали всё, чтобы навеки запечатать её мятежную душу в пучине.

В свой последний день дева-змея видела толпившихся на берегу людей — тех самых горожан, чьи искушенные горем души она исцелила, соткав для них сладкое забытие. Они забыли о смерти своих детей и жён, а теперь с глупым, безучастным любопытством глазели, как их спасительницу ведут на убой.

Хо Цин не знала, о чём думала сестра перед смертью. Дева-змея всматривалась в лица зевак — каждое из них казалось ей смутно знакомым, ведь когда-то она ласково врачевала их тайные раны в мире грёз.

А теперь эти же спасённые ею люди безучастно смотрели, как её лишают жизни.

Впрочем, деве-змее всегда было плевать на жителей города. Она искала в бездушной толпе лишь одно-единственное лицо. Лицо Хо Цин.

Даже когда палач занёс над ней клинок, она с болезненным упорством лепетала:

— Вы не видели мою сестру? Она целительница, очень красивая, носит синее платье... Не встречали её?

Тело девушки навсегда сгнуло в пучине Реки Небесной Воды. Её кости до сих пор покоятся на илистом дне.

— Мучители думали, что покончили с ней, — проговорила целительница. — Но ненависть сотворила чудо: усопшая переродилась в Змею кошмаров. Ей больше не нужно было физическое тело — для поддержания жизни хватало чужих сновидений.

— Моя бедная девочка... — Хо Цин резко оборвала фразу. Вся её напускная стойкость мгновенно испарилась, обнажив зияющую рану в душе. Сдерживать слёзы больше не оставалось сил.

Выдержав долгую паузу, она с трудом выдавила из себя:

— Она всего лишь пыталась отыскать меня.

Она вторгалась в сознание каждого жителя, безжалостно выворачивая наизнанку их сокровенные мысли и грёзы, надеясь зацепиться хоть за какую-то весточку о пропавшей сестре.

— Но яд копившейся веками злобы ослепил её, — прошептала Хо Цин. — Со временем она окончательно потеряла власть над собственной силой.

Тысяча лет непрощённых обид... Пока кости девы-змеи лежали на дне реки, её неприкаянный дух скитался по чужим снам, изводя живых одним и тем же вопросом: «Вы не видели мою сестру? Она целительница, очень красивая, носит синее платье... Не встречали её?»

Эту фразу она повторила миллионы раз.

Но никто не мог ей помочь. Те, в чей разум вселялся этот призрак, сходили с ума и умирали в страшных муках. Живые прозвали это проклятие «мором сновидений».

— Спустя века пришёл заклинатель с Горы Вечной Юности и запечатал её дух.

Прежде дева-змея могла хотя бы блуждать по миру, но оковы печати лишили её даже этой призрачной свободы, обрекая на вечное безмолвие.

Хо Цин глубоко вздохнула. Казалось, заново пересказывая эту историю, она сама раз за разом переживала предсмертную агонию сестры. Целительница опустила голову, пряча лицо в тени, и Су Цзюгуй не мог разглядеть её слёз.

Так продолжалось до тех пор, пока Цзи Юаньчу не сорвал печать, вновь выпустив древнее зло на волю. Разъярённый дух мгновенно проник в сознание тех, кто в тот злополучный день оказался у берегов Реки Небесной Воды.

Ранее Су Цзюгуй полагал, будто жертвами становились завсегдатаи весёлых кварталов, увязшие в любовных неурядицах. Теперь же всё встало на свои места: все погибшие принадлежали к племени демонов. Дева-змея мстила своим палачам.

— За всё это время она ни разу не заглянула в собственные сны, — тихо добавила Хо Цин. — Она просто отказывалась верить в мою смерть.

Дева-змея соткала кошмары для половины мира, но так и не осмелилась встретиться лицом к лицу со своим главным страхом.

Хо Цин подняла голову. У неё были поразительные глаза — ясные, глубокие и удивительно спокойные. Стоило ей посмотреть на человека, как в его душе невольно рождалось доверие.

— Многие пытались усмирить её, — прошептала целительница. — Но они лишь упрямо вбивали новые гвозди в её оковы, заставляя страдать ещё сильнее. Вода в Реке Небесной Воды невыносимо холодная...

— И только ты попытался разгадать её кошмар, заглянуть в её истерзанную душу и понять, через какую боль ей пришлось пройти. Спасибо тебе за это.

Не успел Су Цзюгуй ответить, как земля под ногами содрогнулась. Небо мгновенно затянуло грозовыми тучами, а из непроглядной тьмы в глубине переулка послышался тяжёлый, ритмичный топот сотен ног.

Ему хватило одного взгляда, чтобы узнать нападавших. Воины Армии Таинственных Символов с занесёнными боевыми топорами наперевес волной хлынули на него со всех сторон.

Дева-змея почуяла присутствие чужака. Иллюзорный мир спешил избавиться от незваного гостя.

Сон стремительно рушился.

Хо Цин порывисто схватила Су Цзюгуя за руку — её пальцы были ледяными. Она торопливо вложила в его ладонь старинную нефритовую подвеску, испачканную засохшей кровью. Сама яшма, казалось, до сих пор сохраняла жар её угасающей жизни.

— А теперь, — Хо Цин пристально посмотрела ему в глаза, — исполни своё обещание. Помоги ей обрести меня.

<http://bllate.org/book/18298/1755156>